

Юлий Ким

Светло,
синё,
разнообразно...

Стихи,
проза,
драматургия

Юлий Ким

**Светло, синё,
разнообразно... (сборник)**

«WebKniga»

2013

Ким Ю.

Светло, синё, разнообразно... (сборник) / Ю. Ким —
«WebKniga», 2013

«Горе от ума», как известно, все разобрано на пословицы и поговорки, но эту строчку мало кто помнит. А Юлий Ким не только вспомнил, но и сделал названием своего очередного, четвертого в издательстве «Время» сборника: «Всё что-то видно впереди / Светло, синё, разнообразно». Упор, заметим, – на «разнообразно»: здесь и стихи, и песни, и воспоминания, и проза, и драматургия. Много публикуется впервые. И – согласимся с автором – «очень много очень человеческих лиц», особенно в щемящем душу мемуаре «Однажды Михайлов с Ковалем» – описанием странствий автора с великими друзьями-писателями на том и на этом свете. И Грибоедов возникнет в книге еще раз: «А ну-ка, что сказал поэт? / Всё врут календари! / А значит, важно, сколько лет / Не с виду, а внутри!». Внутри Юлию Киму по-прежнему очень немного – до смешного мало.

Содержание

От автора	6
Лирика	7
Весна 94	7
«Посредине земли...»	8
«Ведь будет, будет это время...»	9
«Когда я думаю о том...»	10
Баллада о раздвоенном графе	12
Баллада о чести	14
Скажи	16
«– Ну чем, чем, чем ты так доволен?..»	17
К 90-летию Галича	18
Баллада о вертикали	20
Нет денег	22
Ищи его теперь	23
Моя квартирка	24
Хоровая израильская	25
Читающие Тору[1]	26
Патриотическая израильская	27
Возвращение в Иерусалим	28
Из дневника – 06	29
1. «Об меня, глухого...»	29
2. «А может быть, я не один?..»	29
3. «Почему-то, когда я на публике...»	30
4 (вариация на ту же тему)	30
Финальная песенка	33
Театр мадемуазель Клерон	35
Действующие лица	35
Пролог	36
Акт первый	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юлий Ким
Светло, синё, разнообразно... (сборник)

© Юлий Ким, 2013

© «Время», 2013

От автора

Это Чацкий в «Горе от ума» говорит:

В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно...

Некая надежда, которая так и остается миражом.

Безо всякой мысли об обманутых надеждах я взял эти три эпитета в название книги, упирая на первый и третий, а «синё», выходит, поглотило все остальные оттенки предлагаемого пейзажа.

Составляя его, я руководствовался, главным образом, желанием побольше опубликовать из того, что еще не видело света, от души надеясь, что разнообразие экспонатов прикроет отсутствие какой-либо единой идеи в основе экспозиции. Как и в предыдущих моих сборниках («Творческий вечер», «Букет из разнотравья», «Собрание пестрых глав»), здесь лирика чередуется с песенными текстами, проза с драматургией, взрослая литература с детской.

Небольшая подборка моих персональных мемуаров вся продиктована любовью к героям и желанием создать и оставить свою памятную галерею будущим поколениям.

И хотя новелла о путешествии с Ковалем на том свете несколько выбивается из жанра, она продиктована все той же любовью и добавляет к списку еще несколько дорогих мне имен (за исключением, конечно, персонажей последнего эпизода).

В повозке так-то на пути
Все что-то видно впереди,
И, может быть, в пределах переплета —
Читатель! —
Ты доедешь до чего-то.

Лирика

Весна 94

Мой дорогой Булат! Не правда ли, прекрасно:
Клубятся облака, и гром ворчит вдали.
А в льющемся ручье безудержно и страстно
Бормочут голоса очнувшейся земли.

И медлит мудрый взор оглядывать порядок,
По коему весна опять творит свое.
А этот вкусный дым от греющихся грядок
Мне возвращает все счастливое мое.

Не правда ли, Булат? Все то же ожиданье,
Все то же нетерпение в груди...
Мы говорим «Прощай!» – а мыслим: «До свиданья».
Нам говорят «Прощай!» – мы слышим: «Подожди!..»

«Посредине земли...»

Л. Л.

Посредине земли
Средиземное море.
В нем купаются двое
Посредине зимы.
Продлевая себе
Свои юные лета,
Как российское лето
В иудейской зиме.
Замечательно жить,
Когда вам восемнадцать,
А не ровно сто двадцать,
Если вместе сложить.
А плевать на сложенье,
Когда чист небосклон
И блаженно скольженье
Между ласковых волн.

«Ведь будет, будет это время...»

Памяти Э. К.

Ведь будет, будет это время,
Быть может, в будущем году:
Американ и два еврея
Изобретут таблетку ту,
Что, будучи водой запита,
Возьмет защиту на себя,
И будет навсегда забыта
Болезнь проклятая твоя!
Какая страшная нелепость,
Что мы чуть раньше родились,
А два еврея с мериканом
Еще за дело не взялись...

06.07.08

«Когда я думаю о том...»

Когда я думаю о том,
Какой поэт сегодня выше,
Я выхожу на дикий склон,
А все поэты – там, внизу,
Ждут моего решенья свыше.
Я выбираю одного.
Я не взираю на его
Награды, годы и победы:
В наградах он или в пыли —
В нем есть Туманность Андромеды
Сквозь грязь, и соль, и смех Земли.
Сплав по быстрой реке
Одолело желание плотское:
Взять и сплавиться в море Охотское
По реке налегке.
Только лодку надуем резинную,
Только водку возьмем магазинную,
И вперед по реке!

По реке под названием Быстрая,
Потому что она очень быстрая,
Мы летим по волнам
И в разрывах тумана и мороси
Успеваем усматривать поросли
Там и сям.

Ой, вы brave души моряцкие!
Вы кудрявые джунгли камчатские —
Чем вы хуже других?
Эти русла завалены корчами,
Но, являясь отменными кормчими,
Мы плывем мимо их!

А пока наша лодочка тащится,
На нее дикий миша таращится:
Вдруг мы сядем на мель?
А над нами орланы надменные,
А под нами гольцы офигенные
И форель! И форель!

При наличие надежды и верочки,
Мы пороги пройдем и шиверочки
И закончим свой путь,
Всей душою вздыхая счастливейше,
Что порвали мы лодку на финише,

А не раньше отнюдь!

Вот и сплвились мы, вот и сплвились,
Фунтов на пять поди поубавились,
Есть о чем вспоминать.
Ой, вы дерзкие наши безумности!
Это в юности надо бы, в юности,
Только где же ее взять.

Баллада о раздвоенном графе

Однажды в старинные годы
Давно миновавшей поры
Влюбились в юного графа
Две очень красивых сестры.

И граф молодой обезумел
Буквально от каждой из них,
Но он же не мог по закону
Жениться один на двоих!

И он назначал каждый вечер
Свиданья одной за другой,
И каждой он клялся жениться,
Но выбрать не мог, на какой.

И вызвал он Фату Моргану,
Поведал ей драму свою.
«Ну что ж, – усмехнулась Фата. —
Давай я тебя раздвою».

Едва проглотил он поспешно
Ее колдовское драже,
Как два одинаковых графа
Бок о бок стояли уже.

«Желаю вам долгого счастья! —
Сказала Моргана, смеясь. —
Но чур, никогда не встречаться!»
И сгинула вмиг восвоясь.

И кинулись графы к невестам,
И вмиг увезли своих дам.
Одни обвенчались в Мадриде,
Другие в Париже, в Нотр-Дам.

Так страшный распутался узел.
Но вот через несколько лет
Два графа решились нарушить
Волшебницы строгий завет:

Среди королевского бала
Они повстречались вдруг,
И вмиг молодые графини
Все в мире затмили вокруг

Расцветшей своей красотой,
Сияньем счастливых ланит.
А два одинаковых графа,
Бледнея, смотрели на них.

И оба воскликнули: «Боже!
Кого я навек потерял!»
И шпаги сверкнули, и каждый
Друг друга убил наповал.

Баллада о чести

Взойди на корабль, поставь паруса и с Богом в дорогу.
А нет корабля – садись на коня и трогайся в путь.
На время забудь дорогу к родному порогу,
А боль и тревогу – смотри испытать не забудь.
Тревогу и боль, надежду и страх, восторг и обиду,
Души не жалея, себя не щадя – тогда только лишь
Пройдешь Рубикон, найдешь наконец Атлантиду,
Герой и красавец – Мадрид очаруешь, Париж покоришь!

Взойди на корабль,
Садись на коня,
Посмотрим, какая фортуна твоя!

Ты встретишь друзей, ты встретишь врагов —
врагов будет больше.
Всегда начеку – распутывай сеть, рассчитывай шаг.
На подлый удар – ответ, беззащитный столь же,
Обман на обман, донос на донос – или как?
А если не так, какой там Париж? Не будет Парижа.
Ни пышных палат, ни высших наград, ни покрышки ни дна.
Одна только честь – ни денег тебе, ни престижа,
Одна только честь – как жизнь или смерть – одна.

Взойди на корабль,
Садись на коня,
Посмотрим, какая фортуна твоя!
БАллада о выборе
Мы знаем: премудрой судьбой
Расписано все посекундно:
Вот фазы Луны и Сатурна
Сошлись – и не двинуть рукой.
Но даже и в час роковой,
Когда бы и где бы ты ни был, —
Твой выбор
Всегда за тобой.

Колдунья волшебную смесь
Готовит в серебряном тигле,
Минута – и вот мы постигли,
Что было, что будет, что есть.
И голос был ночью глухой,
И жребий, казалось бы, выпал,
Но выбор
Всегда за тобой.

Да, жизнь к негодьям добрей,
Капризны ее повороты,
Она расточает щедроты
Героям окольных путей.
А что на дороге прямой?
Ухабы одни и ушибы...
Что ж, выбор
Всегда за тобой.

Вот наша особая честь!
Вот вечная наша забота:
Все время чему-нибудь что-то
Обязаны мы предпочесть!
Ложь – истина, да или нет,
Бесчестие или погибель —
Твой выбор.
С тебя и ответ.

Скажи

Перед лицом тотальной лжи
В насквозь испуганной стране
Ты правду все-таки скажи,
Хотя бы собственной жене.

Конечно, если силы есть,
Ступай и всем скажи ее
(Но перед этим все же взвесь,
Чем разочтешься за нее).

А если в жизни только раз
Ты вскрикнул:
– Не могу молчать! —
И охнул, съежился, погас,
Зарекся вообще кричать, —

То знай:
Когда на небесах
Предъявишь ты, чего достиг,
Все перевесит на весах
Твой этот вырвавшийся крик.

«– Ну чем, чем, чем ты так доволен?..»

В. Гершовичу

– Ну чем, чем, чем ты так доволен?
Чему ты рад, как идиот?
Причем ведь ты и сам виновен,
Что мы хлебаем это вот.
Нам катастрофа угрожает!
Кругом кошмар и сущий ад!..
– Зато за книжки не сажают.
Зато за слово не казнят.

– Зато разгулье беспредела!
Казну сливаем за бугор,
Страну коррупция разъела,
В обнимку вор и прокурор
На белом мерсе разъезжают,
Продать Курилы норовят!..
– Зато за книжки не сажают.
Зато за слово не казнят.

– И это губельно для духа!
Ты оглянись, отец и муж:
Кругом чернуха и порнуха,
Растление неокрепших душ!
Ни прошлое не уважают,
Ни в будущее не глядят!..

– Зато за книжки не сажают.
Зато за слово не казнят.
И всех надежд моих основа
Давно описана вот здесь.
Читай:
В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО.
Осталось только произнести.

12.11.2000

К 90-летию Галича

Не слагал я трех гимнов отечеству,
Но свободе его послужил.
Так что мне Управляющий Вечностью
Прокатиться в Москву разрешил.
На мое девяностое ление
Вот подарок мне выпал какой!
И помчался буквально как ветер я,
И примчался в свой город родной.

Но гляжу: он какой-то двоюродный,
Ни на вы не могу, ни на ты.
В лихорадке сегодняшней муторной
До чего исказились черты!
Разнаряжена, разнарумянена,
Хохоча, топоча, матерясь —
Ай, Москва! Разгулялася барыня!
До заморских обнов дорвалась!

Всю округу заляпала лейблами
И, наушником ухо заткнув,
Дикой помесью рока с молебнами
Услаждает свой девственный слух.
И кошерное жрет, и скоромное,
И первач из горла, и коньяк.
То над кошкой рыдает бездомною,
То гоняет бомжей, как собак!

И, делясь заповедными тайнами,
Вам покажет вдали от людей
Николая Второго со Сталиным
В медальоне промежду грудей.
И включит она ГУМ многоярусный,
И почешет она по торгам,
И зажжется в глазах ее радостный
И немеркнувший – чистоган!

– Ну привет, говорю, принимай меня,
Я же все ж таки не чужой.
– Ох ты блин, говорит, я вся внимание,
Не узнала, прости, дорогой.
Позвонил бы, уж мы б тебя встретили.
Ты по делу сюда или так?
– У меня девяностое ление,
Все ж я Галич, говорю, как-никак.

– Как же! Помним – мадам Парамонова,
Эти, как их там... облака!
Может, есть у тебя чего нового?
– Да пока не скудеет рука:
Есть баллада про новых зека,
Есть канкан ветеранов Чека,
Есть про Путина пара стишков,
Есть комедия «Вас вызывает Лужков».

А она мне: «Любименький бард ты мой!
Разгребатель родного дерьма...
Значит, даже могила горбатому
Не сумела исправить горба?
Я б дала тебе, Сашенька, выступить,
Но не вижу для этого мест:
Всё, блин, занял Каспаров под диспуты
Да Лимонов с Гайдаром под съезд!
Ни обнять, ни принять, ни пригреть тебя,
Аж мне стыдно самой от себя...
Ты давай, приезжай на столетие —
Я на подступах встречу тебя!»

Баллада о вертикали

Как назначили меня, ну то есть выбрали,
Завибрировал я, братцы, всеми фибрами,
А они ко мне сейчас же, как к приятелю:
Ты давай, блин, создавай нам демократию!
Но не всякую, а нашу, суверенную,
Правоверную давай, полувоенную,
Чтобы вроде бы с кнутом и с крестом,
Чтобы вроде бы и стул, и престол.

Я гляжу на олигархов с иерархами
Да на ихних свиноматок с иномарками —
Все со свитами своими да эскортами.
Ну, я взял да всех и запер в Лефортове!
– Не хочу, – кричу я, – власти вашей денежной!
Я хочу, – кричу, – свободы всамделишной!
Чтобы, стало быть, кругом плюрализм!
Чтобы, стало быть, во всем гуманизм!

И остался он со мною – мой единственный,
Мой бескрайний, беспредельный, мой таинственный,
Мой родной электорат поразительный,
Непонятный, но такой выразительный!
– Дорогой мой, – говорю, – наконец-то мы
Заживем своей душе соответственно!
Так что, мать твою едрить, смело вдаль!
Вся в Лефортове сидит вертикаль.

И вскричал электорат: «Замечательно!
Я с тобой согласен, брат, окончательно!
Ты не любишь вертикаль, а мы тем более,
Наливай же, коль не жаль, алкоголя!»
Тут мы хлоп по стакану за демократию,
А потом еще по два за папу с матерью.
А как каждый опростал полведра,
Улеглась горизонталь до утра.

А наутро я гляжу: вот так новости!
Пучит мой электорат по всей бескрайности,
И как поперли из него на дикой скорости
Кабинеты по борьбе с вертикальностью.
И сидят в них гладенькие мальчики —
Титулованные антивертикальщики;
Все со свитами своими да эскортами,
Молодыми, дорогими и негордыми.
И, плодясь еще быстрее, чем вчерашние,

Вырастают Вавилонскою башнею...
– Братцы, стойте, это ж снова она!
– А что делать, – говорят, – прет сама!
Так и прет сама с утра из нутра,
Прям как баба у Адама из ребра.
Вот такая, брат, выходит мура.
Тут где-то было полведро со вчера.

Апрель 2008

Нет денег

Какие роскошные планы, какие проекты на тысячу лет!
Разгон облаков, орошение Сахары, освоение планет!
И все это важно, и нужно, и должно, и очень давно!
Но
Все упирается только в одно:

Нет денег.
Нет денег. Денег. Денег! Денег!
Денег нет.

Да ладно, какие там планы, проекты и прочая муть,
Когда всего-навсего надо бы руку в беде протянуть!
Мы братья по крови, коллеги по жизни, друзья по судьбе —
Так что же —
Поможем? Ты мне, я тебе? А?

Нет денег.
Нет денег. Денег. Денег! Денег!
Денег нет.

Да ладно, какие там деньги, известно же каждому:
счастье не в них.
От них только зависть и злоба, убийство одними других,
От них деградация духа, от них девальвация вкуса,
Всемирная пошлость, как жирная шляха, влезает на трон!

Нет денег.
Нет денег.
Нет денег.
Пшел вон.

Октябрь 2008

Ищи его теперь

Вот идет мужик с человеческим лицом.
Вот идет мадам с человеческим лицом.
Вот сидит макака с человеческим лицом.
Вот бежит собака с человеческим лицом.

Вот растет банан с человеческим лицом.
Вот шумит вулкан с человеческим лицом.
Посреди межей, рубежей и границ
Очень много очень человеческих лиц.

Отчего же – ведь вот не пойму! —
Невозможен в родимом дому
Ни социализм с человеческим лицом?
Ни капитализм с человеческим лицом?
А возможна только рожа, которая вечно
Исключительно бесчеловечна!
А ведь где-то было пресловутое лицо...
Но куда-то сплыло, закатилось за крыльцо...
Или за плинтус...
Или под дверь...
Ищи его теперь...
Ищи его теперь...
Ищи его! Теперь! Ищи-ищи!

2010

Моя квартирка

В моей маленькой квартирке
Справа-слева по окну.
Подпирая подбородок,
То и дело в них смотрю,
Поражаясь ежечасно,
Фу-ты ну-ты ё-моё:
До чего разнообразно
Окружение мое.

За одним моим окошком
Пресня весело шумит.
Здесь когда-то раздавался
Пролетарский динамит.
А теперь тут раздается
Не бунтующий фугас,
А голубая дискотека
И торгующий Кавказ.

А в другом моем окошке
Стольный град Ерусалим,
Благородное собрание
Изумительных руин.
Слышу пенье муэдзина
И божественный иврит.
Иногда их заглушает
Панарабский динамит.

Динамитом панарабским
Я ужасно огорчен.
Сколько можно, в самом деле,
Чистить зубы кирпичом?
Маршируйте в ногу с веком,
Почитая свой ислам,
Заведите дискотеку,
Динамит продайте нам.

Распахну я свои окна:
Пусть польется без преград
Дождик Пресни на Кинерет,
Солнце Хайфы на Арбат.
Лишь бы только не случилось,
Как приснилось мне во сне,
Что отчаянный Израиль
Объявил войну Москве!..

Хоровая израильская

В течение двадцати веков
Мы шли на землю праотцов,
Мы шли, и мы пришли.
В родном краю наш сводный брат
Приходу братьев был не рад,
Но братья не ушли.
Ну, рад не рад, а раз мы здесь,
Нам тоже надо пить и есть,
Нам тоже надо жить!
А с братом драться нам зачем?
Смотри: здесь хватит места всем,
Нам нечего делить.

И там, где не было воды,
Сверкнули речки и пруды
И побрели стада.
И там, где только камень рос,
Поднялся лес цветущих лоз
И встали города.
Две тыщи лет, в конце концов,
Мы шли на землю праотцов.
Мы шли к себе домой!
Признай же, брат, родню свою,
И будет мир в родном краю,
Все дело за тобой.

Земля у всех у нас одна.
Она для жизни нам дана.
И жизнь у всех у нас одна,
Она для радости дана.
Так что ж, земляк, давай живи:
Сады сажай, детей рожай,
Дороги строй и песни пой —
Все дело за тобой.
Все дело за тобой!

Читающие Тору¹

Они по городу идут – читают Тору.
Они в автобусах сидят – читают Тору.
Они за рыбою на рынок, за бумагою в контору
Коридорами идут – читают Тору.

У моря Красного лежат – читают Тору.
У Средиземного лежат – читают Тору.
Они лежат, они сидят,
Они стоят, они идут,
Они едят и пьют – и тут читают Тору!

Трясет Исландию – они читают Тору,
Колотит Грузию – они читают Тору,
Ливану Персия поставила четыре партии
Ракет «земля – земля» – они читают Тору.

Мне замечательно – они читают Тору.
Мне отвратительно – они читают Тору.
Их уважают, унижают, обожают, обижают, ают, ают,
А они ее читают.

Лежа и стоя,
Идя и сидя,
Благоговейно и уверенно, —
И Он таким образом видит,
Что все еще не все еще потеряно, не все еще...

Декабрь 2008

¹ Тора – священная книга иудеев.

Патриотическая израильская

Был я верный правоверный пионер.
«Широку страну родную» громко пел.
В комсомоле, скажем правду, господа,
Не оставил я заметного следа.
В коммунисты меня звали – я не стал.
Стал обычный злоязычный либерал.
При словах «гражданский долг», «патриотизм»
В организме начинался пароксизм.
Кроме спутника и флага на луне
За державу только стыдно было мне,
И, смотря на наши звезды и кумач,
Издавал я громкий смех иль горький плач.
А теперь скажите: где я? Что со мной?
Ведь не здешний я, хотя и не чужой.
Но гляжу на эту синюю звезду
И испытываю гордую слезу!
И хочу растить бананы на камнях,
Славить Господа под Западной стеной,
Беззаветно танцевать на площадях
И с ружьем стоять на страже, как герой!
В патриота превратился либерал.
Прям как будто только этого и ждал!
И готов, как пионер, шагать в строю!
И опять я Дунаевского пою!
– С гулькин нос страна моя родная,
Очень мало в ней лесов, полей и рек,
Но другой такой страны не знаю,
Где так счастлив русский человек!

Возвращение в Иерусалим

Дорогой мой Владимир Абрамыч!
Драгоценный мой Игорь Ароныч!
Как журчат и приятно рокочут
Имена ваши в полости рта!
Как совок по сентябрьскому Сочи,
Как изгнанник по капищам отчим —
Так по вас я соскучился очень,
Аж до чёрта, то бишь до черта!
Преодо мною то США, то Канада,
Надо мною московское лето,
Голова моя в тягостном дыме
От того, и того, и того.
И как важно, как нужно, как надо
Соображать, что вы бродите где-то
В белокаменном Ерусалиме
По бессмертной брусчатке его!
И не может быть даже двух мнений,
Что из этих вот соображений
Состоит, вытекает и складывается
То, что мы называем душой:
Что, мол, есть, мол, Абрамыч с Аронычем,
Да впридачу Наумыч с Миронычем,
Да еще Константиныч с Антонычем,
Ну и далее, список прикладывается,
Хоть уже он не очень большой.

1.12.01

Из дневника – 06

1. «Об меня, глухого...»

Об меня, глухого,
Тщетно бьются звук и слово.
Всю жизнь бились,
Так и не пробились.
Да, я таков,
Говорю без позы,
Что не понимаю стихов,
Ни прозы.
И сам не знаю, чья это шуточка,
Хоть ты тресни,
Что из меня получилась дудочка
Для некоторой песни.
И не знаю, не ведаю, чьи в нее дуют
Уста.
Ну так что же... дуют и дуют...
Пожалуйста.

2. «А может быть, я не один?..»

А может быть, я не один?
А может быть, есть и другие,
И даже, пожалуй, многие,
А может быть, даже и все —
На склоне последних годин,
Подсчитывая итоги,
В растерянности и меланхолии
Свое закрывают досье.

Так бездарно распорядиться
Билетом своим лотерейным.
Остается пойти и налиться
Портвейном.
Нелегко, господа, пребывать
В подобном сознании.
Нет, подобное сознавать
Все же лучше в компании.

3. «Почему-то, когда я на публике...»

Почему-то, когда я на публике
Перед залом с гитарой вдвоем,
В моем внешнем и внутреннем облике
Происходит крутой перелом.

Мои очи исполнены света,
Голос мой наливается звоном,
Коим барышни в оные лета
Иной раз соблазнялися оным.

Из меня океан обаяния
Изливается щедрой струей,
И купаюсь я в том океане,
Светлый, мудрый, лукавый, простой.

Отчего ж, когда следующим утром
Перед зеркалом я объявляюсь,
Никаким ни лукавым, ни мудрым
Не кажусь и отнюдь не являюсь?

Где же свет-то? И радость? И младость?
Полный мрак и унылая старость.
Где же мой ореол и накал?
Я их честно вчера излучал!

Из себя напрямую транслировал!
Не поддельвал! Не имитировал!
И опять в себе это найду,
Когда снова на сцену взойду!

Отчего же на сцене домашней
Я хожу, как окуроченный вчерашний?
В силу коих я тайных причин,
Словно Джекил и Хайд, двуедин?

И пришло, и ушло, и осталась
Лишь какая-то смутная злость:
И куда ж это все подевалось?
И откуда все это взялось?

4 (вариация на ту же тему)

Жизнь моя протекает понятно

И приятно, как я нахожу.
Я пишу для кино и театра,
Хоть и редко туда захожу.

Мне не тягостен плен паутины
Небольших и немногих цепей.
Не тону я в болоте рутины,
А плетусь помаленьку по ней.

Не сказать, чтобы много за мною
Накопилось серьезных удач.
А последнее время, не скрою,
Было больше скорей неудач.

(Но есть пьеска, в которой потешно
Расписал я известный сюжет,
И она ежегодно успешно
Пополняет мой скромный бюджет.)

В иерархии литературной
Невысоко я числю себя.
Никакой биографии бурной
Нипочем не найти у меня.

На исходе седьмого десятка,
Продвигаясь спиной вперед,
Все равно мне, как скоро лопатка
Ощутит окончательный год.

Но когда выхожу я на сцену,
Равнодушный, усталый, пустой,
Вдруг я чую в себе перемену
На минуте примерно шестой.

Изнутри, из груди, где скрывается
То, что мы называем «поддых»,
Вдруг легко и свободно является,
Заполняя меня, мой двойник.

Голос мой наливается силой,
Достигая аж верхнего «фа»,
И глубокой, могучей, счастливой
Проникаются мыслью слова.

Словно крылья открыв для объятья,
Я над залом роскошно парю,
И желаю безудержно счастья,
И его же сейчас же дарю!

И потом с утомленной улыбкой
Я в кулисах слежу, как во мне
Тихо тает двойник мой родимый:
Вот он тенью становится зыбкой,
Светлой точкой во тьме загрудинной,
Угасая глубоко на дне...

Финальная песенка

До свиданья!
Пароходик мой гудёт,
В даль далекую зовет
Морехода.

До свиданья!
Можно трогать, помолясь,
И погода в самый раз
Для отхода.

На прощанье:
Надо б водочки налить,
Да с колбаской учинить
Бутербродик,
И честь честью проводить
Пароходик.

Это чудо,
Как у вас я погостил,
Как ваш дом я навестил
Хлебосольный.
Я отсюда
Отправляюсь по волне,
Как полковник на коне,
Всем довольный.

Потому что,
Дорогие господа,
Я скажу вам, как всегда,
Простодушно:
Было грустно иногда,
Но не скучно.

До свиданья!
До свиданья, милый зал,
Где вела свой скромный бал
Моя лира.

До свиданья!
С вами славно было мне,
Только жаль, что время не —
умолимо.

Жизни тайна
В том, что свой всему черед:

За свиданьем настает
Расставанье.
Пароходик мой гудёт:
ДО
СВИ
ДА
НЬЯ!..

Театр мадемуазель Клерон
комедия в двух актах по сюжету М. Гашпар
1987–1997

Действующие лица

КЛЕРОН, звезда французского театра второй половины XVIII века

Тетушка БАБЕТТА, ее служанка, наперсница, дальняя родня

Жак ТРЕНЕ, директор театра, затем барон фон РАТЕНАУ

ДЕЛАНУА, капитан, затем барон фон ЛЕНАУ

Александр ГРОССБАХ, герцог

Эмилия фон МЕКЛЕНБУРГ, его супруга

АНСАМБЛЬ, играющий слуг, солдат, поваров, придворных и т. д.

Пролог

ТРЕНЕ (*перед занавесом*). Медам, месье, синьоры! Ваше превосходительство, ваше превосходительство, ваше превосходительство... Ваше сиятельство. Ваша светлость!.. Ваше высочество!.. Дамы и господа.

По не зависящим от нас обстоятельствам или, как скажут в далеком будущем – по техническим причинам – представление наше задерживается: нет мадемуазель Клерон, а без нее, сами понимаете, спектакль невозможен. Ума не приложу, в чем дело, наверно, что-нибудь с каретой: рессора лопнула, ось полетела – вы же знаете наши дороги. В другое время я бы позвонил по телефону или заказал такси, но сейчас восемнадцатый век на дворе, господа: есть Вольтер, есть Дидро, но Дизель еще не родился, увы, нету Дизеля, что тут поделаешь, и значит, только лет через полтора актеры перестанут опаздывать на выход. Так что немного терпения, господа, немного терпения, всего несколько минут – их вам скрасят наши актеры.

Уходит, кланяясь и выпуская на авансцену АНСАМБЛЬ.

АНСАМБЛЬ

Мы начинаем представленье,
Давно пора, уже давно пора.
Свои восторги и умиленье
Скрывать не надо, господа.
Вот перед вами Коломбина,
Вот незадачливый Пьеро,
Вот эта вечная картина
Любви несбывшейся его.
Вспомним древнего поэта,
Его словам уже три тыщи лет:
«Ах, лучше чувство без ответа,
Чем если вовсе чувства нет».
Пусть неутешно, безнадежно,
Но все же выпало любить...
А для взаимной страсти нежной
Преград вообще не должно быть!

Пантомима «Несчастливая любовь Пьеро и Коломбины».

Тем временем ТРЕНЕ проходит за кулисы, где ТЕТУШКА БАБЕТТА также в нетерпении ждет Клерон.

Акт первый

ТРЕНЕ. Где, где, где она? О-о, каналья! Скотина!

БАБЕТТА. Тихо-тихо! Кто это, по-вашему, каналья?

ТРЕНЕ. Твой любимчик, капитан Делануа, кто же еще. Никогда не доверяй красивым мужчинам: это народ неосновательный. Мне доверяй.

БАБЕТТА. Это вы-то основательный?

ТРЕНЕ. А как, по-твоему? Когда твою красавицу заточили в узилище, кто добился для нее разрешения продолжать играть на этой сцене? Кто нанял карету на собственные деньги возить ее из тюрьмы сюда и обратно? Кто отсчитал двадцать золотых, один за другим, этому смазливому разгильдяю в мундире, чтобы тот доставлял ее вовремя? Кто? Я. Где же они?

БАБЕТТА. Приедут, не волнуйтесь.

ТРЕНЕ. Сколько можно ехать. От театра до Бастилии не так уж далеко.

БАБЕТТА. Э-э, туда всегда быстрее, чем оттуда.

ТРЕНЕ. Гнали ее туда.

БАБЕТТА. Еще бы не гнали! Кто клялся ей в вечной дружбе, а потом палец о палец не ударил? Кто громче всех кричал: «Клерон! Не бойся! Мы тебя в обиду не дадим!» – а сам первый струсил?

ТРЕНЕ. В данный момент громче всех кричишь ты. А во-вторых, никто не струсил...

БАБЕТТА. А тогда почему же...

ТРЕНЕ. А потому, что надо иметь чувство меры! И в искусстве, и в политике. Храбрость – это как живопись: она хороша лишь в определенных рамках.

Входит неизвестный ГОСПОДИН.

ГОСПОДИН. Добрый вечер. Господин директор?

ТРЕНЕ. Жак Трене, к вашим услугам.

ГОСПОДИН. Простите, мсье Трене, но мадемуазель Клерон... Сколько помню, она еще ни разу не опаздывала, и, сколько могу судить, это не в ее характере.

ТРЕНЕ. М-м... С кем имею честь?

ГОСПОДИН. Александр Саксонский, путешественник... Может, она заболела?

БАБЕТТА. Это бы ее не остановило!

ГОСПОДИН. Она живет дома или в отеле?

БАБЕТТА. М-м... Да, пожалуй, в отеле.

ТРЕНЕ. Отличный отель. Несколько темноват, зато какое внимание к постояльцу!

ГОСПОДИН. Вот как... Что же это за отель?

БАБЕТТА. Хм!.. Известный отель. Старинный.

ТРЕНЕ. Исключительно для благородных господ. Там иной раз и министры останавливаются, и очень надолго!

ГОСПОДИН. И как же называется этот отель?

ТРЕНЕ. М-м... «Заслуженный отдых».

ГОСПОДИН. Клерон – в Бастилии?!

ТРЕНЕ. Кто вам сказал?

ГОСПОДИН. Вы, только что.

БАБЕТТА. В какой Бастилии? Ни в какой не в Бастилии! Сейчас ее привезут...

ТРЕНЕ. Уже.

АНСАМБЛЬ – *сейчас это толпа простых парижан, проносит КЛЕРОН через зал на руках, распевая песню. Клерон держится прямо и замкнуто, она в плаще, рук не видно. За толпою следует красавец капитан ДЕЛАНУА.*

АНСАМБЛЬ

Пускай вокруг и дождь, и мрак – а мы и в ус не дуем!
Пускай заснул любой и всяк – а мы еще танцуем!
Богач закрылся на засов,
Монах зарылся в часослов,
Хмельной солдат свалился в ров – а мы еще танцуем!
Франчетта, Франчетта, голубка моя!
Целуй меня крепко – как я тебя!
– До свиданья, Франчетта!
– Оревуар, Клерон!
– Мы еще потанцуем!

Водружают КЛЕРОН на сцену и уходят.

ТРЕНЕ (*укоризненно*). Капитан...

КАПИТАН (*перебивает*). Мсье директор. Париж есть Париж. Они выпрягли лошадей и заменили их во всем, кроме скорости.

ТРЕНЕ (*к Клерон*). Ты готова?

КЛЕРОН. Да.

Сбрасывает плащ. Она уже в костюме Клеопатры, на руках – тонкая цепь.

ТРЕНЕ. Марш на сцену. (*Заметил цепь.*) Стоп. Капитан... Заковать красивую женщину... Вы не француз, капитан!

КАПИТАН. Личный заказ мадемуазель. У лучшего ювелира.

ТРЕНЕ. Ну так раскуйте ее!

КЛЕРОН. Я буду играть в кандалах.

ТРЕНЕ. Орлеанскую Деву – пожалуйста. Но сегодня у нас Клеопатра! Царица Египетская!

КЛЕРОН. Да. И пленница Октавиана.

ТРЕНЕ. Почетная пленница! Настолько почетная...

КЛЕРОН... что покончила с собой. Прокурор в зале?

ТРЕНЕ. И давно. И префект, и судья, и племянники какие-то королевские.

КЛЕРОН. Отлично. Я буду играть в кандалах!

ТРЕНЕ. Только через мой труп. А это, согласись, малоприятное зрелище. Бабетта! Перо, бумагу, тушь, песок, сургуч, коньяк – все это бегом в ложу префекта.

Торопливо выходит с Бабеттой.

ГОСПОДИН. Мадемуазель Клерон... Мое имя Александр Саксонский, путешественник.

КЛЕРОН. Прекрасно... И что же вас интересует особенно? Ландшафт? Животный мир? Может быть, театр?

ГОСПОДИН. Главным образом, люди и нравы.

КЛЕРОН. О-о! В Париже того и другого достаточно.

ГОСПОДИН. Но кто же посмел... как вы очутились в Бастилии?

КЛЕРОН. Нет ничего проще. Вы заказываете галантерейщику кружевную сорочку за пять монет, он приносит и требует десять, вы швыряете ему в лицо семь, он подает на вас в суд и получает свои двадцать!

ГОСПОДИН. Странная арифметика!

КЛЕРОН. Ничего странного. Вы бессильны что-либо доказать. Потому что есть еще, оказывается, средневековый параграф, по которому «показания актеров, сведников и шулеров надлежит считать заведомо ложными»!

ГОСПОДИН. Какая дикость.

КЛЕРОН. Скажите это прокурору.

КАПИТАН. Господа, господа! Я совершенно с вами согласен, но я вас попрошу. Закон есть закон. А я солдат.

КЛЕРОН. Но не шпион же?

КАПИТАН. Мадемуазель!..

КЛЕРОН. Скоро поедет, капитан. А пока терпите. (*Господину.*) Конечно же, я опротестовала приговор – не из-за денег, бог с ними, – я потребовала для нас, актеров, права на достоинство! Хотя бы наравне с галантерейщиками.

ГОСПОДИН. Ваши коллеги поддержали вас?

КЛЕРОН. И еще как бурно! Весь мой протест составлен из их восклицаний. Но как только он был подан – я тут же осталась одна. Мы актеры, сударь, мы умеем сыграть героизм, но не обязаны его проявлять. Зато мой обидчик – о-о! Пока двор нуждается в хорошей галантерее, правды не добьешься. Но двор нуждается еще и в хорошем театре. Я буду играть в кандалах!

Те же и ТРЕНЕ с БАБЕТТОЙ.

ТРЕНЕ (*размахивая бумагой*). Да здравствует свобода! Братья! Сограждане! (*На мотив «Марсельезы»*) Вперед, сыны отчизны милой! Ла-ла-ла! Хороший мотивчик, когда-нибудь пригодится. Капитан, вы – свободны! Клерон, ты тоже. Господин префект из уважения ко мне и твоему искусству Бастилию отменил!

КЛЕРОН. А мой протест?

ТРЕНЕ. Аннулирован! При этом было сказано: «Каприз красивой женщины если трудно исполнить, то легко простить» – какая реплика! Капитан, снимите с нее эти узы – и марш на сцену!

КЛЕРОН. Ни с места, капитан! Это амнистия! А я требую полного оправдания. Мне не нужна милость – мне нужна справедливость! Я буду играть в кандалах!

Швыряет бумагу, которую торопливо подбирает Бабетта.

ТРЕНЕ. Тебе так уютно в Бастилии?

КЛЕРОН. Вполне. Все необходимое капитан перевез туда вместе со мной: и трюмо, и гардероб, и библиотеку...

КАПИТАН. Да, и кровать.

КЛЕРОН. Она, я помню, произвела на вас особенное впечатление. Что ж, если нет справедливости – пусть будет хотя бы комфорт.

ТРЕНЕ. Справедливость, справедливость... Ты ошиблась, Клерон, тебе надо было идти в адвокаты.

КЛЕРОН. И уверяю тебя, я бы справилась.

ТРЕНЕ. А может, тебе возглавить правительство?

КЛЕРОН. О, если бы! Уж я бы порядок навела!

ТРЕНЕ. И французский бюджет тебя не пугает?

КЛЕРОН. При мне бы не воровали!

ТРЕНЕ. И французская армия...

КЛЕРОН. Перестала бы кормить тунеядцев!

ТРЕНЕ. И даже воля короля...

КЛЕРОН. Только если это воля Франции!

КАПИТАН. Господа, я вас прошу...

ТРЕНЕ. Вот! Вот она, плебейская кровь! Замухрышку, судомойку Франчетту – отмыли, устроили петь в кабак – ей мало. Хорошо. Нарядили, припомادили, пустили в лучший театр Парижа – ей мало. Мало ей кружевной сорочки – ей еще достоинство подавай! Сколько женщин плюет на достоинство ради сорочки, и какие женщины!

ГОСПОДИН. Господин директор, вас ждет публика.

ТРЕНЕ. Я знаю, кого она ждет! Другое дело – что она получит. Спектакль отменяется, господа! Ввиду внезапной эпидемии инфлюэнцы! Подавись своими цепями, Клеопатра!

Уходит.

КАПИТАН. Мадемуазель, я вам аплодирую. Хотя на прощанье скажу: воевать с государством бессмысленно – его можно только переименовывать. Вот когда вы возглавите правительство...

КЛЕРОН. Я назначу вас моим советником.

КАПИТАН. И с чего же мы начнем, ваше превосходительство?

КЛЕРОН. Разрушим Бастилию!

КАПИТАН. Вот видите, как вы непрактичны! Ах, сударыня! Мы расстаемся, жаль, но думаю, ненадолго.

Раскланивается и уходит.

БАБЕТТА. Эй, а цепи-то! Цепи-то снимите, кавалер!

КЛЕРОН. Оставь, Бабетта... Я надела – я и сниму. Увы, дорогой путешественник, мой выход сорвался. А я сегодня сыграла бы, тем более в кандалах. *(Встает.)*

Наследница великих фараонов,
Избранница египетских богов,
Я, Клеопатра, выше всех законов
Взнесшая свободу и любовь,
Я, Клеопатра, на пирах державных
Вкусившая и яда, и вина —
В кругу царей играла я на равных,
Но никогда игрушкой не была!
И украшать триумф Октавиана
Собою, как цепная обезьяна,
Не стану я.

(Играет с цепью.)

В долине медленного Нила
Тебя однажды я нашла,
Заклятьем древним усыпила,

В чертог с собою принесла.
И я лелеяла до срока
Твой сон, блаженный и немой,
Чтобы теперь, вздохнув глубоко,
Его до дна вкусить самой.
Приди ко мне, мое спасенье,
Змея, игрунья, медный выюн!
Обвей меня и дай забвенье
От бедных слез и скучных дум!
Навей мне смертную дремоту
И, в стогны вечные маня,
Дай мне последнюю свободу,
Любовь последняя моя!

ТРЕНЕ, в дверях, смотрит.

ТРЕНЕ. Клерон... Клерон!.. Царица... Богиня! Ну что ты наделала? Как же мы теперь без тебя?

КЛЕРОН. Меня уже выгоняют?

ТРЕНЕ. А ты думала... Королевский театр – учреждение подневольное. Все-таки у нас еще восемнадцатый век, а не двадцатый, мы не можем держать у себя вольнодумцев. Прощай... Артистическая карьера не для тебя – займись политической. Но учти: в правительстве Франции вакантных мест нет. Нету!

ГОСПОДИН (*к Клерон*). Но если не Франция, то вас, может быть, устроит Гроссбах?

ТРЕНЕ. При чем тут Гроссбах?

ГОСПОДИН. В герцогстве Гроссбах место первого министра как раз вакантно.

ТРЕНЕ. Вот! Пожалуйста! Там герцог ждет не дожидается! Ногами сучит! Со стула падает!

ГОСПОДИН. Герцог Александр фон Гроссбах – это я, мсье директор.

ТРЕНЕ. Какой к черту... то есть как? Это вы?!

ГЕРЦОГ. Именно так. И я прошу мадемуазель Клерон оказать мне честь принять должность первого министра в моем герцогстве. Может быть, хотя и в малом масштабе, вам удастся добиться того процветания, какого желаете вы своему отечеству.

КЛЕРОН. Ваша светлость!..

БАБЕТТА. Соглашайся! Где наша не пропадала! Соглашайся и благодари!

КЛЕРОН. Я – министр?!

ГЕРЦОГ. Сударыня, своей властью и печатью я сию минуту готов подтвердить все ваши права и полномочия в этом качестве. Не скрою, место хлопотное. Двор у меня небольшой, но сложный. И бюджет расстроен, и порядка мало... Но ваше обаяние, ваша энергия, наконец принципиальность...

КЛЕРОН. Ваша светлость!.. Но как же... Вот это ловушка так ловушка. Клерон, ты попалась... тебя поймали на слове! Герцог, я... согласна, а что еще мне остается?

Герцог целует руки Клерон – и цепи падают.

ТРЕНЕ (*на авансцене*). Герцог! Фон Гроссбах! Сам! Ай-ай-ай!.. Ну, я не виноват. Откуда мне было знать?! Ни фоторепортеров, ни телевидения – эх! До этого еще жить и жить!

Дорожная музыка. По дороге в Гроссбах. В карете – КЛЕРОН и ГЕРЦОГ.

КЛЕРОН. Герцог... А ведь я в самом деле собираюсь похозяйничать в вашем хозяйстве.

ГЕРЦОГ. А я самым серьезным образом рассчитываю на это, мадемуазель.

КЛЕРОН. Клерон, просто Клерон.

ГЕРЦОГ. Благодарю вас, Клерон. Видите ли, Клерон, я – государь только по рождению, но никак не по призванию. Я – царствую, и все.

КЛЕРОН. А делами занимаются другие. Очень удобно.

ГЕРЦОГ. Еще бы. Но все-таки неприятно, когда кругом воруют.

КЛЕРОН. А откуда вам знать? Вы же в дела не вникаете.

ГЕРЦОГ. Да просто в один прекрасный день вдруг начинает казаться, что живешь, едешь, ходишь – во всем краденном.

КЛЕРОН. Вот странная чувствительность! Однако, герцог... в какой вертеп вы меня везете?

ГЕРЦОГ. Смотрите, смотрите!

Строем проходят СОЛДАТЫ.

АНСАМБЛЬ

Стрелки Гроссбаха – айн, цвай, драй!

Не знают страха – фир, фюнф, зекс!

Без отдыха шагают,

Без промаха стреляют —

Зибен, ахт! Нойн, цейн!

Всегда в походе стрелок,

Всегда на взводе курок!

Эх! За сто монет – полтора ста побед,

Портупея, пуля и мушкет!

Прошли.

ГЕРЦОГ. Наш экспорт. Стрелки Гроссбаха – нарасхват во все стороны. Бывает даже, встречаются на поле боя.

КЛЕРОН. Странное занятие. Торговля пушечным мясом, разведение мужчин на убой. Гнусно, герцог, а главное, невыгодно! Так расходовать рабочую силу. Я этого не потерплю.

ГЕРЦОГ. Я вижу, вы в самом деле отличная хозяйка.

КЛЕРОН. Герцог, театр – это хо-о-орошая школа!.. А вот скажите...

ГЕРЦОГ. А моя жена – всего лишь герцогиня, и вся ее школа – двор графства Мекленбург.

КЛЕРОН. Вы всегда предвидите вопросы собеседника?

ГЕРЦОГ. Да, когда они очевидны. Смотрите, это наш импорт.

Едут ВОСТОЧНЫЕ ЛЮДИ.

АНСАМБЛЬ

Рисен-брисен унд изюм – вай! вай! вай!

Ауф нахт рахат-лукум – вай! вай! вай!

Плов зер гут, пилав хорош,

А потом сидишь и пьешь

Чай, чай, чай!

Проехали.

ГЕРЦОГ. Турецкие повара. Переплываем Мекленбург, у них всего-навсего итальянские. Дорогое удовольствие.

КЛЕРОН. Почему же они?

ГЕРЦОГ. По тысяче, кажется.

КЛЕРОН. А стрелки?

ГЕРЦОГ. По сотне.

КЛЕРОН. Сальдо не в вашу пользу. Дешевле выучить своих.

ГЕРЦОГ (*иронически*). Да, но ведь это сколько ждать! А хочется сразу.

КЛЕРОН. Зачем ждать, когда хочется сразу... Вот девиз разбойников и королей!

ГЕРЦОГ. И, вероятно, каждого, Клерон. Жизнь коротка, и ждать умеют немногие.

КЛЕРОН. Да ничего подобного!

ГЕРЦОГ. Да кто же, например?

КЛЕРОН. Ммм... Беременные женщины...

ГЕРЦОГ. Хм... пожалуй! Еще?

КЛЕРОН. Солдатские матери.

ГЕРЦОГ. Верно... Но это в общем из той же оперы. А кто из мужчин?

КЛЕРОН. Рыболовы.

ГЕРЦОГ. В самом деле.

КЛЕРОН. Садовники!

ГЕРЦОГ. Действительно!

КЛЕРОН. Дальние родственники богатых стариков.

ГЕРЦОГ. Это то же, что рыболовы.

КЛЕРОН. Ммм... больше никто.

ГЕРЦОГ. Вот видите!

КЛЕРОН. А может быть, еще и... вы, герцог?

ГЕРЦОГ. Я?.. Нет, я не умею ждать. Но приходится...

Вдруг, резко наклонившись к Клерон, берет ее за руки, энергично и нежно.

Ничего не бойтесь, Клерон. Сдаваться не торопитесь. Уступайте неохотно и с видом большого одолжения...

КЛЕРОН (*недоуменно*). Ваша светлость... К чему это вы?

ГЕРЦОГ. Я к тому, что мы уже приехали, ваше превосходительство.

КЛЕРОН. Ой!..

ГЕРЦОГ. У нас десять минут – прийти в себя, почиститься и приготовить тронную речь. Смелее!

Уходят.

Пробегают придворная челядь, готовя торжественную встречу.

АНСАМБЛЬ

Ах, какая новость! Ах, какая радость!
Герцог наш приехал! Прибыл господин!
Очень посвежевший! И похорошевший!

И с какой-то дамой – словом, не один.
Очень интересно! Очень интересно!
Поживем – увидим, словом, поглядим.

В комнате КЛЕРОН готовится к выходу.

КЛЕРОН. Все играла! Всех играла! Кем только не была: и царицей, и императрицей – богиней была! А тут, подумаешь, несчастный премьер-министришко при каком-то заштатном герцогстве...

ГЕРЦОГ. Клерон, что-то вы мне не нравиться.

КЛЕРОН. Ну да? А я всю дорогу так старалась.

ГЕРЦОГ. По-моему, вы просто трусите.

КЛЕРОН. Ха! Еще бы. Дебют есть дебют, герцог, страшная вещь! Кто молится Мадонне, кто гадает на пальцах, кто валяется в обмороке – ну а я, как правило, кидаюсь на окружающих. Так что терпите.

БАБЕТТА. Попробуй из «Клеопатры».

КЛЕРОН. При чем тут «Клеопатра»... так... так... дыхание... походка... Поступь, а не походка. «Господа! Высокая роль, которая высочайшей милостью, каковая не знает границ...» У, черт!.. которая, каковая, таковая... Да, господа, я женщина, я актриса, но в конце концов не боги горшки обжигают, тем более наши с вами горшки... что за бред я несу?

БАБЕТТА. Да, уж лучше из «Клеопатры».

КЛЕРОН. «Вы, мудрецы полуночной страны, великие жрецы...» Какой страны, какие, к дьяволу, жрецы? «Милорды, в этот час, когда Британии грозит беда...» – почему милорды? При чем тут Англия? Вечно эта Англия... «Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам пренебри... преприя...» Это еще откуда? Ну все, хватит. Уже заговариваюсь. Вперед!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.